

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/TEP-26-22>

УДК/UDC 159.9.07

Структура представлений о природе: роль субъект-средовых взаимодействий и личностных черт

М.О. Мдивани, Е.С. Александрова ✉

Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

✉ sedova.el@gmail.com

Резюме

Актуальность. Комплексный характер современных экологических угроз напрямую влияет на социальную стабильность и глобальное развитие, что обуславливает рост исследований проэкологического поведения, способного противостоять данным угрозам. Актуальным представляется эмпирическое исследование обоюдного влияния «нисходящих» (личностных черт) и «восходящих» (типов взаимодействия со средой) факторов на формирование представлений о природе, лежащих в основе конкретных экологических установок и действий. Данная работа вносит вклад в развитие исследований в области психологии среды, предлагая комплексный анализ факторов, формирующих проэкологическое поведение.

Цель. Выявление факторов, формирующих представления о природной среде, на основе интеграции «восходящего» (средового) и «нисходящего» (личностного) подходов к пониманию взаимодействия человека с природой.

Выборка. В исследовании приняли участие 100 студентов московских вузов (средний возраст 19,2 года, SD = 2,81; 32% мужчин, 68% женщин).

Методы. Для оценки «восходящих» факторов, обусловленных типом субъект-средового взаимодействия, была разработана методика, основанная на экпсихологическом подходе В.И. Панова. «Нисходящие» факторы оценивались с помощью краткого портретного опросника Большой Пятерки Б5-10 (М.С. Егорова, О.В. Паршикова). Для исследования представлений о природной среде использовался психосемантический метод. Статистическая обработка данных проводилась с использованием программ IBM SPSS Statistics 22.0 и Jamovi и включала корреляционный, факторный и регрессионный анализ.

Результаты. На основе оценок ситуаций взаимодействия с природой была выделена трехфакторная структура представлений о природе: «экоидентичность» (связь с природой), «ресурсность» (восприятие природы как источника ресурсов) и «экоозабоченность» (тревога за состояние среды). Установлено, что наибольший уровень «экоидентичности» связан с субъект-обособленным типом взаимодействия; наибольшая «ресурсность» приписывается субъект-порождающему типу взаимодействия, наименьшая «экоозабоченность» характерна для

субъект-совместного типа взаимодействия. Получены данные о вкладе личностных черт в вариативность представлений о природе.

Выводы. Исследование демонстрирует, что формирование представлений о природе обусловлено обоюдным влиянием типа непосредственного взаимодействия со средой («восходящий» фактор) и устойчивых личностных черт («нисходящий» фактор). Конкретный тип взаимодействия (обособленный, порождающий, совместный) связан с актуализацией различных аспектов представлений о природной среде. При этом черты личности, в первую очередь добродетельность и сознательность, существенно определяют склонность к формированию «экоидентичности», тогда как «экозабоченность» в большей степени связана с нейротизмом, особенно у женщин.

Ключевые слова: экологическая психология, психология среды, представления о природе, личностные черты, Большая пятерка, проэкологическое поведение, субъект-средовые взаимодействия, экоидентичность, ресурсность, экозабоченность

Финансирование. Работа выполнена в рамках госзадания, проект № FNRE-2024-0017, тема проекта «Ресурсно-прогностическая детерминация личностного и профессионального развития учащихся и педагогов как субъектов непрерывного образования: психологические основы, технологии, факторы эффективности».

Для цитирования: Мдивани, М.О., Александрова, Е.С. (2026). Структура представлений о природе: роль субъект-средовых взаимодействий и личностных черт. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 19(3), 29–52. <https://doi.org/10.11621/TEP-26-232>

The Structure of Perceptions of the Natural Environment: the Role of Subject-Environment Interactions and Personality Traits

Marina O. Mdivani, Elena S. Alexandrova

Federal Scientific Centre of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

 sedova.el@gmail.com

Abstract

Background. The multifaceted nature of contemporary environmental threats directly impacts social stability and global development, driving increased research into pro-environmental behavior capable of countering these threats. Empirical investigation into the mutual influence of “top-down” (personality traits) and “bottom-up” (modes of interaction with the environment) factors on the formation of people’s conceptions of nature—which underlie specific environmental attitudes and actions—is particularly relevant. This study contributes to the field of environmental psychology by offering a comprehensive analysis of the factors that shape pro-environmental behavior.

Objective. To identify factors shaping perceptions of the natural environment by integrating “bottom-up” (environmental) and “top-down” (personality) approaches to understanding the human-nature interaction.

Study Participants. The study involved 100 students from Moscow universities (mean age 19.2 years, SD = 2.81; 32% men, 68% women).

Methods. To assess “bottom-up” factors stemming from the type of subject-environment interaction, a methodology based on V.I. Panov’s ecopsychological approach was developed. “Top-down” factors were assessed using the Big Five Personality Profile Questionnaire B5-10 (M.S. Egorova and O.V. Parshikova). A psychosemantic method was employed to investigate perceptions of the natural environment. Statistical data processing was performed using IBM SPSS Statistics 22.0 and Jamovi software and included correlation, factor, and regression analyses.

Results. Based on assessments of interactions with nature, a three-factor structure of perceptions was identified: “ecoidentity” (connection with nature), “resourcefulness” (perception of nature as a source of resources), and “eco-concern” (concern for the state of the environment). It was found that: the highest level of “ecoidentity” is associated with the subject-isolated type of interaction; the highest “resourcefulness” is attributed to the subject-generating type of interaction; the lowest “eco-concern” is characteristic of the subject-joint type of interaction. Data were also obtained regarding the contribution of personality traits to the variability of people’s conceptions of nature.

Conclusions. The study demonstrates that perceptions of nature are shaped by the combined influence of the type of direct interaction with the environment (the “bottom-up” factor) and stable personality traits (the “top-down” factor). The specific type of interaction (isolated, generative, joint) is associated with the actualization of different aspects of perceptions. Moreover, personality traits, primarily agreeableness and conscientiousness, significantly predict the propensity for ecoidentity, whereas ecoconcern is more strongly associated with neuroticism, particularly among women.

Keywords: environmental psychology, ecopsychology, perceptions of nature, personality traits, Big Five, proenvironmental behavior, subject–environment interactions, ecoidentity, resourcefulness, ecoconcern

Funding. The study was conducted according to the State Assignment FNRE-2024-0017 “Resource-prognostic determination of personal and professional development of students and teachers as subjects of lifelong education: psychological foundations, technologies, efficiency factors”

For citation: Mdivani, M.O., Alexandrova, E.S. (2026). The structure of perceptions of the natural environment: the role of subject-environment interactions and personality traits. *Theoretical and Experimental Psychology*, 19(3), 29–52. <https://doi.org/10.11621/TEP-26-22>

Введение

Современный этап развития общества характеризуется нарастающей сложностью и усилением экологических вызовов. Такие явления, как изменение климата, сокращение биоразнообразия, деградация природных ресурсов и масштабное загрязнение экосистем, перестают восприниматься как изолированные

проблемы экологической повестки (Александрова и др., 2025; Нестик, Журавлев, 2018). Сегодня они все чаще приобретают характер комплексных системных рисков, оказывающих прямое и усиливающееся воздействие на основы социальной стабильности, экономической устойчивости и международной безопасности, тем самым влияя на глобальную повестку развития и благополучия общества (Нестик, Журавлев, 2018).

Длительное время ответ на экологические вызовы искали преимущественно на системном уровне — в действиях правительств, международных организаций, крупных корпораций и научного сообщества (Иванова, 2025; Clayton et al., 2016). Однако становится все более очевидным, что без трансформации повседневных привычек и моделей потребления на индивидуальном уровне забота об окружающей среде рискует не перейти в область реальных действий (Александрова и др., 2025, Иванова, 2025). Таким образом, снижение антропогенной нагрузки требует не только технологических и законодательных решений, но и понимания психологических механизмов, которые способствуют или препятствуют формированию экологически ответственного поведения (Великая, Новожедина, 2022).

Теоретическое обоснование

В последнее время особую значимость приобретают исследования в области психологии среды, которые, опираясь на теоретический фундамент, позволяют изучать и эмпирически проверять факторы, влияющие на поведение человека, ориентированное на сокращение антропогенного воздействия на окружающую среду (Панов, 2022). В научной литературе для обозначения такого поведения используется термин «проэкологическое поведение», который обозначает совокупность индивидуальных действий (как осознанных, так и автоматических), нацеленных на сохранение или улучшение состояния окружающей среды (Сауткина и др., 2022; Иванова и др., 2023; Ермолаева, 2023). Именно на это определение мы будем опираться в данной работе.

Важное место в методологической инструментарии экопсихологических исследований занимают теории, связывающие поведенческие решения с индивидуальной мотивацией и когнитивными установками, такие как модель запланированного поведения (Ajzen, 1991) и концепция «ценность — убеждения — нормы» (Stern, 2000). Их преимущество заключается в четкой операционализации и измерении переменных, относящихся к конкретным действиям, что позволяет детально анализировать отдельные поведенческие паттерны (Иванова, 2025; Ogunbode et al., 2022). В свою очередь, для выявления общих психологических предпосылок, лежащих в основе различных проэкологических действий, целесообразно обращаться к более комплексным интегративным моделям. К ним относится, в частности, иерархическая схема «ценности — аттитюды — поведение» (Homer, Kahle, 1988), доказавшая свою валидность в экопсихологических исследованиях (Milfont et al., 2010; Thøgersen, Grunert-Beckmann, 1997). Хотя описанные модели хорошо изучены, в своей работе мы хотели бы провести более глубокий анализ

формирования установок, убеждений и аттитюдов. Базой для такого анализа является подход, согласно которому представления о природной среде рассматриваются не как синонимы этих конструктов, а как их содержательная и структурная основа — более широкие образно-понятийные схемы, отражающие общую картину взаимоотношений человека и природы. Мы исходим из того, что именно из этих представлений возникают конкретные психологические образования — установки, убеждения и аттитюды, которые в дальнейшем непосредственно влияют на формирование проэкологического поведения. Таким образом, представления выступают фундаментальным уровнем, опосредующим поведение через производные от него элементы.

Для изучения представлений о природной среде была использована концептуальная модель, различающая «восходящие» и «нисходящие» механизмы их формирования (Панюкова, Мдивани, 2024; Шаталова, 2023). Она служит эффективным инструментом для структурирования и изучения комплексных эффектов взаимодействия человека со средой. В рамках данной модели «восходящие» факторы понимаются как объективные, обусловленные физическими характеристиками самой среды, и напротив, «нисходящие» факторы трактуются как субъективные, актуализирующие индивидуально-психологические и смысловые возможности интерпретации этих характеристик. Важно подчеркнуть, что эти факторы не противостоят, а взаимодополняют друг друга, совместно формируя целостный опыт взаимодействия человека и среды. При этом влияние «восходящих» факторов, таких как визуальная сложность или акустические свойства природных ландшафтов, уже достаточно изучено, например, в рамках теорий восстановления внимания и снижения стресса (Шаталова, 2022; Van den Berg, 2021), в то время как влияние «нисходящих» факторов, включая личностные особенности, ценностные ориентации или субъективный опыт, на восприятие и психологические эффекты природной среды остается в значительной степени неизученным.

Новизна данного исследования заключается в комплексном подходе к анализу формирования представлений о природе. С одной стороны, оно восполняет существующий пробел, фокусируясь на роли «нисходящих» (субъективных) механизмов, а именно личностных черт индивида. С другой стороны, в качестве «восходящих» (объективных) факторов в работе рассматриваются типы субъект-средовых взаимодействий с природной средой, которые разработаны в экопсихологическом подходе к развитию психики В.И. Панова (Панов, 2022). Использование ситуаций, моделирующих данные типы взаимодействия, позволяет выявить, как конкретные формы взаимодействия совместно с личностными особенностями формируют представления о природной среде.

Выборка

Сбор данных проводился в 2025 году на базе Московского государственного лингвистического университета. В исследовании приняли участие 100 респондентов. Средний возраст участников 19,2 ($SD = 2,81$), 32% из них мужчины и 68% —

женщины. Анкетирование проводилось в офлайн-формате (бумажные анкеты) в учебных аудиториях. Участие было добровольным и анонимным, никакого вознаграждения не предусматривалось.

Методы исследования

Для исследования «восходящих» (объективных) факторов формирования представлений о природной среде в рамках экопсихологического подхода В.И. Панова (Александрова и др., 2025; Панов, 2022) применялась типология, основанная на диагностических ситуациях, отражающих возможные сценарии взаимодействия человека с природной средой (Таблица 1) (Панов, 2026). При этом типология использовалась нами не для оценки реального поведенческого акта, а для моделирования контекста, в котором актуализируются разные аспекты восприятия природной среды.

Таблица 1

Экопсихологические типы взаимодействия с природной средой

Субъект-объектный	Когда человек уничтожает вредителей в саду
Субъект-обособленный	Когда человек попал под сильный ливень и промок до нитки
Субъект-совместный	Когда человек приезжает из города отдохнуть на природе
Субъект-порождающий	Когда владелец питомца (собаки, кошки и др.) «советуется» с ним перед тем, как принять решение о совместных действиях

Table 1

Ecopsychological types of interaction with natural environment

Agent-object	When an agent eliminates pests in the garden
Agent-isolated	When an agent is caught in a heavy downpour and becomes soaked through
Agent-joint	When an agent arrives from the city to spend leisure time in a natural environment
Agent-generative	When a pet owner (of a dog, cat, etc.) “consults” with the animal prior to making a decision about joint activities

Для субъект-объектного типа взаимодействия характерно отношение к природе как к пассивному ресурсу, средству или препятствию для достижения человеком его собственных, внешних по отношению к ней целей. При подобном типе взаимодействия природа ценится лишь в той мере, в которой она полезна или выгодна для человека.

При субъект-обособленном типе взаимодействия природа воспринимается как автономная и часто безразличная, от которой человек стремится психологически или физически отстраниться, чтобы сохранить свою целостность и безопасность. Природа не является ни объектом деятельности, ни партнером. Человек и природа мыслятся как отдельные, независимые, а иногда и противостоящие друг другу сущности.

Субъект-совместный тип взаимодействия представляет собой важную переходную ступень от потребительского к экологически осознанному отношению к природе. В его основе лежит восприятие природы как источника восстановления и психологических ресурсов, а не как объекта для активного преобразования или угрозы. Человек стремится к контакту с природой для взаимной пользы. При данном типе взаимодействия природа — это не пассивный объект, а активная, полезная среда, дающая человеку силы, здоровье, вдохновение, человек же берет на себя ответственность за ее сохранение.

Субъект-порождающий тип взаимодействия — это наиболее гармоничный уровень отношения к природе. В нем природа воспринимается уже не как объект, фон или ресурс, а как полноценный, самоценный субъект, равноправный с человеком. Природная среда воспринимается как обладающая собственной внутренней логикой, целью, «душой», с которой возможен диалог. Человек занимает позицию собеседника по отношению к природе и старается почувствовать/понять, что «хочет» сама природа, и действует в соответствии с этим.

Далее, для исследования представлений о природной среде использовался психосемантический метод, который позволяет выделить систему значений, на основании которой человек воспринимает мир. Нами производился отбор дескрипторов, релевантных для трех основных аспектов психического функционирования (когнитивного, аффективного, поведенческого) и пригодных для оценки природной среды. В результате была разработана система из 7 биполярных оценочных шкал (альфа Кронбаха = 0,649), которая описывала эмоциональное состояние субъекта в процессе взаимодействия, сам процесс взаимодействия в целом и представления о значимости среды для человека. В данном исследовании нами был применен метод семантического дифференциала, где в качестве объектов оценки выступали ситуации взаимодействия с природными объектами, а набор биполярных шкал был разработан в соответствии с целостным образом, который формирует представление и включает эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты (Таблица 2).

Таблица 2
Биполярные оценочные шкалы для природной среды

раздражение	—	спокойствие
страдание	—	удовольствие
превосходство	—	подчинение
человек важнее природы	—	природа важнее людей
природа опасна для человека	—	природа безопасна для человека
человек охраняет природу	—	человек вредит природе
человек — «царь природы»	—	человек — часть природы

Table 2
Bipolar rating scales for the natural environment

irritation	—	calmness
suffering	—	pleasure
dominance	—	subordination
humans above nature	—	nature above humans
nature is dangerous for humans	—	nature is safe for humans
humans protect nature	—	humans harm nature
humans as “masters of nature”	—	humans as part of nature

Таким образом, респондентам предъявлялись четыре ситуации, каждая из которых отражала один из типов субъект-средового взаимодействия по В.И. Панову (Таблица 1). Для каждой ситуации участникам предлагалось оценить свое восприятие природной среды по семи биполярным шкалам (Таблица 2). Оценка производилась по 7-балльной шкале, где 1 балл соответствовал левому полюсу шкалы, а 7 — правому. Респондентам была дана следующая инструкция: «Представьте себя в каждой из описанных ситуаций. Оцените, насколько каждое из приведенных ниже утверждений соответствует вашим ощущениям и представлениям о природе в данной ситуации. Отметьте, пожалуйста, положение на шкале между двумя противоположными суждениями».

Для того, чтобы комплексно подойти к анализу формирования представлений о природной среде, в качестве «нисходящих» (субъективных) механизмов мы рассматривали личностные особенности испытуемых с помощью краткого портретного варианта опросника «Большая пятёрка» Б5-10 (Егорова, Паршикова, 2016).

Статистический анализ осуществлялся при помощи IBM SPSS Statistics 22.0 и Jamovi.

Результаты исследования

Факторный анализ оценок ситуаций взаимодействия с природой методом главных компонент с Варимакс-вращением ($KMO = 0,763$) позволил выделить три фактора, исчерпавших 62% дисперсии. Факторные нагрузки приведены в Таблице 3.

Как можно заметить, первый фактор объединил оценки, относящиеся к восприятию себя как части природы и подчинению ее законам. Этот фактор получил название «экоидентичность». Второй фактор объединил оценки природной среды как безопасной и приносящей удовольствие и спокойствие. Этот фактор получил название «ресурсность». Третий фактор объединил оценки природы как важной части окружающего мира, благополучию которой угрожает человеческая деятельность, и получил название «экозабоченность».

Таблица 3
Значения факторных нагрузок (метод главных компонент использовался в сочетании с вращением «варимакс»)

человек – царь природы — человек – часть природы	0,863
превосходство — подчинение	0,818
страдание — удовольствие	0,862
раздражение — спокойствие	0,858
природа опасна для человека — природа безопасна для человека	0,511
человека охраняет природу — человек вредит природе	0,794
человек важнее природы — природа важнее людей	0,772

Table 3
Factor loading values (Principal Component Analysis was used in combination with varimax rotation)

humans as “masters of nature” — humans as part of nature	0.863
dominance — subordination	0.818
suffering — pleasure	0.862
irritation — calmness	0.858
nature is dangerous for humans — nature is safe for humans	0.511
humans protect nature — humans harm nature	0.794
humans above nature — nature above humans	0.772

Средние значения факторов при оценке каждой ситуации представлены на Рисунке ниже.

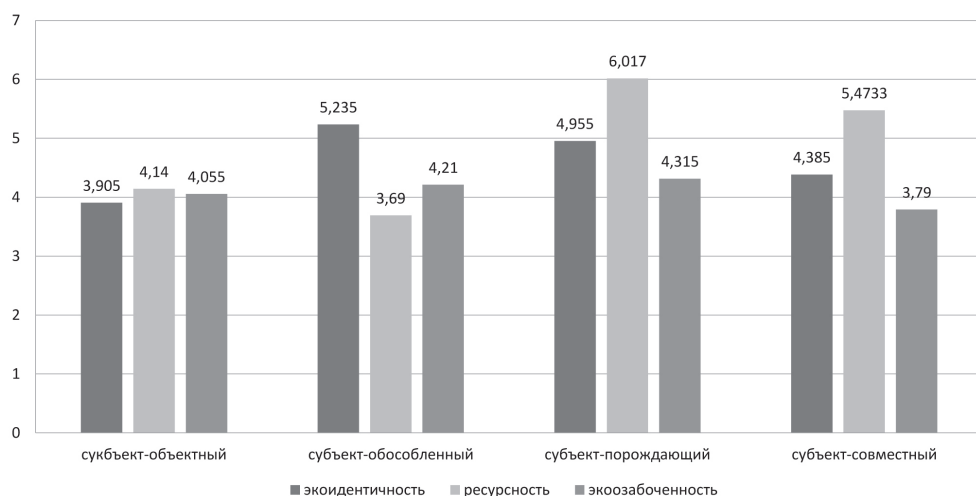

Рисунок
Средние значения факторов при оценке ситуаций

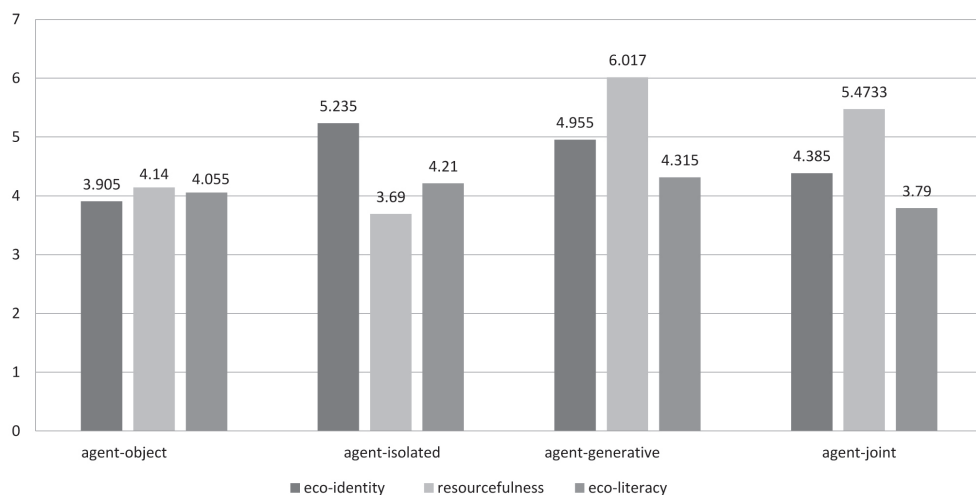

Figure
Average factor values when assessing situations

Рисунок наглядно демонстрирует, что наибольшее значение «экоидентичности» получено при оценке субъект-обособленного типа взаимодействия, наибольшую ресурсность респонденты приписывают субъект-порождающему типу взаимодействия. Наименьшую «экоозабоченность» респонденты испытывают при субъект-совместном типе взаимодействия. Значимые гендерные различия получены по фактору «экоидентичность». Респонденты женского пола имеют по этому фактору большие средние значения, чем мужчины ($U = 700,00$; $p < 0,004$).

Средние значения личностных факторов у мужчин и у женщин приведены в Таблице 4. Как видно в таблице, значимые гендерные различия наблюдаются только по факторам «доброжелательность» и «сознательность». По двум этим факторам значения у женщин статистически значимо больше, чем у мужчин.

Таблица 4
Средние значения факторов «Большой пятерки» у мужчин и у женщин

Личностные факторы	Мужчины		Женщины		Значимость (критерий Манна — Уитни)	Размер эффекта
	Средние	Ст.отк.	Средние	Ст.отк.		
экстраверсия	4,5469	1,61	4,6029	1,20	0,688	0,0492
доброжелательность	4	1,78	4,9926	1,06	0,003	0,3589
сознательность	3,4063	1,60	4,1618	1,19	0,035	0,2555
невротизм	3,5	1,77	3,875	1,41	0,173	0,1682
открытость опыту	4,4375	1,24	4,7868	1,12	0,158	0,1733

Table 4
Average scores for the Big Five factors in men and women

Personality Factors	Male		Female		Significance (Mann — Whitney U)	Effect size
	Mean	SD	Mean	SD		
extraversion	4.5469	1.61	4.6029	1.20	0.688	0.0492
agreeableness	4	1.78	4.9926	1.06	0.003	0.3589
conscientiousness	3.4063	1.60	4.1618	1.19	0.035	0.2555
neuroticism	3.5	1.77	3.875	1.41	0.173	0.1682
openness to experience	4.4375	1.24	4.7868	1.12	0.158	0.1733

Для того, чтобы определить вклад личностных черт в структуру представлений о природе, был построен ряд множественных регрессионных моделей, критериями в которых поочередно выступали факторы структуры представления о природной среде (Таблицы 6, 7). Предикторами в моделях были взяты четыре из пяти личностных факторов, поскольку фактор «открытость опыту» не показал значимых корреляций с факторами структуры представлений о природе (Таблица 5).

Таблица 5
Матрица коэффициентов корреляций (Спирмен) между факторами структуры представлений о природной среде и факторами «Большой пятерки»

	Экоидентичность	Ресурсность	Экозабоченность
Экстраверсия	–0,081	0,171	0,258**
	0,421	0,089	0,009
	100	100	100
Доброжелательность	0,268**	0,118	0,046
	0,007	0,243	0,647
	100	100	100
Сознательность	0,398**	0,234*	–0,04
	0	0,019	0,695
	100	100	100
Невротизм	–0,245*	–0,108	0,243*
	0,014	0,285	0,015
	100	100	100
Открытость опыту	–0,142	0,029	0,124
	0,159	0,777	0,218
	100	100	100

** Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон.).

* Корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторон.).

Table 5

Matrix of Spearman correlation coefficients between environmental perception structure factors and the Big Five factors

	Eco-identity	Resourcefulness	Eco-concerns
Extraversion	–0.081	0.171	0.258**
	0.421	0.089	0.009
	100	100	100
Agreeableness	0.268**	0.118	0.046
	0.007	0.243	0.647
	100	100	100
Conscientiousness	0.398**	0.234*	–0.04
	0	0.019	0.695
	100	100	100
Neuroticism	–0.245*	–0.108	0.243*
	0.014	0.285	0.015
	100	100	100
Openness to experience	–0.142	0.029	0.124
	0.159	0.777	0.218
	100	100	100

** Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed).

* Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed).

Таблица 6

Оценка вклада личностных факторов в вариативность значений структуры представлений о природной среде

Предиктор	Коэффициент регрессии	R	R ²	F	p	Критерий Дурбина — Ватсона
<i>Зависимая переменная: экоидентичность</i>						
Модель 1		0,490	0,240	5,95	<0,001	
Экстраверсия	0,0246		0,237		0,813	
Доброжелательность	0,2243		2,443		0,016	1,71
Сознательность	0,2966		3,014		0,003	
Нейротизм	–0,1024		–1,115		0,268	
<i>Зависимая переменная: ресурсность</i>						
Модель 2		0,325	0,125	2,21		0,039 1,69

Экстраверсия	0,1758	2,16	0,033	1,69
Доброжелательность	0,0350	0,488	0,627	
Сознательность	0,1409	1,832	0,070	
Нейротизм	-0,0667	-0,929	0,355	

Table 6

Assessment of the personality factors contribution to variability of the values of the structure of respondents' ideas about natural environment

Predictor	Regression coefficient	R	R ²	F	p	Durbin — Watson criterion
Dependent variable: eco-identity						
Model 1		0.490	0.240	5.95	<0.001	1.71
Extraversion	0.0246		0.237		0.813	
Agreeableness	0.2243		2.443		0.016	
Conscientiousness	0.2966		3.014		0.003	
Neuroticism	−0.1024		−1.115		0.268	
Dependent variable: resourcefulness						
Model 2		0.325	0.125	2.21	0.039	1.69
Extraversion	0.1758		2.16		0.033	
Agreeableness	0.0350		0.488		0.627	
Conscientiousness	0.1409		1.832		0.070	
Neuroticism	−0.0667		−0.929		0.355	

Таблица 7

Оценка вклада личностных факторов в вариативность значений структуры представлений о природной среде у женщин

Предиктор	Коэффициент регрессии	R	R ²	F	p	Критерий Дурбина — Ватсона
<i>Зависимая переменная: экозабоченность</i>						
Модель 3		0,310	0,113	2,15	0,049	1,79
Экстраверсия	0,1546		1,873		0,064	
Доброжелательность	-0,01311		-0,179		0,858	
Сознательность	0,0322		0,412		0,681	
Нейротизм	0,1260		1,726		0,047	

Table 7

Assessment of the personality factors contribution to variability of the values of the structure of ideas about natural environment in women

Predictor	Regression coefficient	R	R ²	F	p	Durbin — Watson criterion
<i>Dependent variable: eco-concerns</i>						
Model 3		0.310	0.113	2.15	0.049	
Extraversion	0.1546		1.873		0.064	
Agreeableness	−0.01311		−0.179		0.858	1.79
Conscientiousness	0.0322		0.412		0.681	
Neuroticism	0.1260		1.726		0.047	

При помощи регрессионных моделей было выявлено, что:

- фактор «экоидентичность» на 24% объясняется личностными особенностями, причем основной вклад в экоидентичность вносят такие черты, как доброжелательность и сознательность.
- фактор «ресурсность» на 12,5% объясняется личностными особенностями, преимущественно — экстраверсией.
- влияние личностных черт на фактор «экоозабоченность» для всей выборки статистически не подтверждается. Однако, отдельно для женщин регрессионная модель статистически значима (Таблица 7). Фактор «экоозабоченность» у женщин на 11% объясняется личностными особенностями, при этом основной вклад в него вносит нейротизм.

Обсуждение результатов

Результатом части исследования явилась трехфакторная модель, описывающая структуру оценок респондентами ситуаций взаимодействия с природной средой. Первый фактор, интерпретированный нами как «экоидентичность», объединил дихотомические шкалы «человек – царь природы — человек – часть природы» и «превосходство — подчинение». Содержание этого фактора находит свое отражение в научных работах, изучающих экологическую идентичность (Мдивани, 2022; Clayton, 2003). Авторы отмечают, что экоидентичность формируется на основе восприятия себя как части природы, отказа от антропоцентрического превосходства и ориентации на гармонию, что является основой для проэкологического (природоохранного и ответственного) поведения.

Опираясь на выше сказанное, полученные нами результаты выглядят парадоксально: наиболее высокие значения «экоидентичности» зафиксированы для субъект-обособленного типа взаимодействия, при котором природа воспринимается как отдельная, самостоятельная, а порой и враждебная сущность (Панов, 2022). Однако, предложенная ситуация — «когда человек попал под сильный

ливень» — может служить триггером иного переживания. Она резко разрушает иллюзию контроля, особенно у городского жителя, и «возвращает» человека в реальность природного мира. В этот момент он переживает себя не как стороннего наблюдателя, а как вовлеченную, уязвимую часть стихии. Это острое осознание экзистенциальной зависимости от природных сил напрямую актуализирует чувство глубокой связи с природой, составляющее ядро экоидентичности (Clayton, 2003; Clayton et al., 2019)

Второй выделенный фактор был интерпретирован как «ресурсность» природной среды. Он объединил шкалы, отражающие ее аффективно-оценочное восприятие: «страдание — удовольствие», «природа опасна — природа безопасна» и «раздражение — спокойствие». Данный фактор описывает, в какой степени среда субъективно воспринимается как источник психофизиологического восстановления и позитивных состояний или, напротив, как источник угрозы и дискомфорта. Это измерение согласуется с классическими теориями восстановительного эффекта природы (Панюкова, Мдивани, 2024; Шаталова, 2022; Kaplan, 1995), где ключевыми характеристиками «восстанавливающей» среды выступают именно чувства безопасности, спокойствия и удовольствия от контакта с ней, а также с исследованиями восприятия экологических рисков (Ермолаева, 2023; Gifford, Nilsson, 2014).

Наивысшие значения по фактору «ресурсность» были получены для ситуаций субъект-порождающего взаимодействия («совет» с питомцем). Этот результат уточняет содержание фактора: он отражает не только восприятие природы как восстанавливающей среды, но и как источник глубинных психологических ресурсов, возникающих из самого качества этой связи. Диалог и совместное принятие решений с живым существом оцениваются как процесс, приносящий удовольствие от взаимопонимания, ощущение безопасности доверительных отношений и спокойствие от согласия. Мы считаем, что подобный комплекс переживаний становится мощным мотиватором для поддержания и защиты природной среды.

Третий фактор мы назвали «экоозабоченность». Он объединил шкалы: «человек вредит природе — человек охраняет природу» и «человек важнее природы — природа важнее людей». Этот фактор отражает основное убеждение о месте человека в природе. Оно колеблется между антропоцентрическим полюсом, где человек считается важнее, а природа ему служит, и экоцентрическим полюсом, где природа признается ценной сама по себе, а человек осознает свое вредное воздействие и ответственность за ее сохранение (Clayton, 2020). Такое убеждение напрямую связано с известной «новой экологической парадигмой» (Dunlap et al., 2000) и является, согласно модели «ценности — убеждения — нормы» (Stern, 2000), тем самым ключевым представлением, которое «включает» внутреннее чувство долга перед природой. Именно поэтому высокая «экоозабоченность» часто ведет не к ситуативным, а к принципиальным, последовательным проэкологическим поступкам (Иванова, 2025; Великая, Новоженкина, 2022).

Наименьшие значения фактора «экоозабоченность» мы получили для субъект-совместного типа взаимодействия (отдых на природе). Этот результат является закономерным: ситуация отдыха была выбрана нами как модель контакта, свободного от активного преобразования природной среды. Воспринимая природу как ресурс для восстановления (что отражается в высоких значениях фактора «ресурсность»), испытуемые в данной ситуации не актуализируют конфликт «человек против природы», что и приводит к снижению экоозабоченности. Таким образом, фактор «экоозабоченность» проявляется слабее в ситуациях потребления природных благ, чем в ситуациях, предполагающих осознание ответственности перед миром природы и признание ценности природы самой по себе (Schultz, 2001). Этот результат подтверждает различие между инструментальной ценностью природы для человека и ее внутренней ценностью как основы для принципиальной экологической позиции и проэкологического поведения.

Выявленные нами значимые гендерные различия по фактору «экоидентичность» (более высокие средние у женщин, $U = 700,00$; $p < 0,004$) согласуются с данными зарубежных исследований (Brown et al., 2023; Zelezny et al., 2000). Современные исследования объясняют подобные различия не биологией, а скорее особенностями социализации у женщин, которая в большей степени направлена на развитие эмпатии, заботы, их большей чувствительностью к экологическим рискам для здоровья и благополучия семьи, что напрямую связано с чувством связи с природой (Brough et al., 2022). Кроме того, женщины зачастую более склонны трансформировать экологическую тревогу в коллективную озабоченность (Александрова, 2021; Je et al., 2020).

С помощью краткого портретного варианта опросника 5PF B5-10 у женщин были выявлены более высокие показатели «доброжелательности» и «сознательности» по сравнению с мужчинами. Подобные различия традиционно объясняются различными моделями гендерной социализации, поощряющей у женщин развитие качеств, ориентированных на заботу о других и об отношениях (доброжелательность) и эффективное выполнение множественных социальных ролей (сознательность) (Soto et al., 2022). Отсутствие различий по остальным трем факторам свидетельствует о гомогенности выборки по параметрам нейротизма и открытости новому опыту.

Для оценки вклада личностных черт в структуру представлений о природе был проведен множественный регрессионный анализ. Результаты показали, что фактор «экоидентичность» на 24% объясняется личностными особенностями, причем основной вклад в него вносят такие черты, как доброжелательность и сознательность. Полученный нами результат согласуется с современными исследованиями, в которых доброжелательность, связанная с эмпатией и заботой (Soutter et al., 2020; Hirsh, Dolderman, 2021), и сознательность, связанная с ответственностью и самодисциплиной (Soutter et al., 2020; Soutter, Möttus, 2021), последовательно определяются как ключевые личностные предикторы проэкологических установок и выражаются в проэкологическом поведении.

По нашим данным, фактор «ресурсность» на 12,5% объясняется одной личностной чертой — экстраверсией. Это указывает на то, что восприятие природы как источника удовольствия и спокойствия в большей степени зависит от ситуативного контекста, опыта и, возможно, текущего состояния, чем от устойчивых личностных черт. Связь с экстраверсией может быть объяснена общей склонностью экстравертов к переживанию позитивного аффекта и поиску внешней стимуляции, которую они находят в активном отдыхе на природе (Lucas, Diener, 2001; Nisbet et al., 2019).

Влияние черт личности на фактор «экоозабоченность» статистически подтверждается только у женщин. При этом основной вклад в него вносит нейротизм, что согласуется с исследованиями, связывающими экологическую озабоченность с эмоциональной реактивностью (Clayton, 2020). Полученный результат позволяет предположить, что у женщин озабоченность экологическими проблемами может формироваться, в том числе через личностную склонность к тревоге и переживанию угроз, тогда как у мужчин этот механизм не проявляется столь отчетливо. Это указывает на возможные гендерные различия в психологических путях формирования экологической озабоченности.

Выводы

Исследование эмпирически подтвердило, что представления о природе формируются под влиянием как «восходящих», так и «нисходящих» факторов. Конкретный тип взаимодействия с природной средой («восходящий» фактор) выводит на первый план разные стороны этих представлений, в то время как устойчивые личностные черты («нисходящий» фактор) задают индивидуальную predisposition к их формированию.

Так, в ситуации субъект-обособленного типа взаимодействия были получены наивысшие значения средних по фактору «экоидентичность», демонстрируя, что ситуации, разрушающие чувства контроля человека над природой, могут служить мощным триггером для острого переживания связи с ней. Субъект-порождающий тип оказался наиболее тесно связан с фактором «ресурсность», указывая, что ее суть заключается не в утилитарной пользе, а в психологических ресурсах, порождаемых самим качеством взаимодействия. В то же время субъект-совместный тип взаимодействия показал наименьшие значения средних для фактора «экоозабоченность», подтверждая, что ситуации потребления природных благ, фокусируясь на личной пользе, практически не затрагивают убеждения о вреде, наносимом человеком природной среде, и не способствуют проэкологическому поведению.

Личностные особенности существенно предопределяют склонность к формированию «экоидентичности» (объясняя 24% ее вариативности), но играют минимальную роль в формировании «ресурсности» и «экоозабоченности». Ключевой вклад в экоидентичность вносят доброжелательность и сознательность, что согласуется с механизмами эмпатии, заботы, ответственности и самодисциплины, формирующими ядро устойчивой связи с природой. Вклад других черт оказался

слабее: экстраверсия незначительно объясняет «ресурсность», связывая ее с поиском позитивной стимуляции, а нейротизм участвует в формировании «экоозабоченности» у женщин, потенциально связывая ее с эмоциональной реактивностью на угрозы.

Обнаруженные гендерные различия, при которых женщины демонстрируют более высокие показатели как по «экоидентичности», так и по указанным личностным чертам, дополнительно подтверждают эту связь, указывая на роль социально-культурных факторов.

Ограничения и перспективы

Основное ограничение исследования состоит в однородности выборки: в нем участвовали только городские студенты схожего возраста, что не позволяет распространить полученные результаты на молодежь, проживающую в сельской местности, и другие возрастные группы.

Дальнейшие перспективы нам видятся в сравнительном исследовании студентов из городских и сельских образовательных учреждений для проверки устойчивости полученных закономерностей в различных социальных средах. Целесообразно также включить в исследование респондентов других возрастных групп молодежи (например, учащихся колледжей, работающих специалистов до 30 лет) для построения более полной картины.

Список литературы

Александрова, Е.С. (2021). Взаимосвязь проэкологического поведения и личностных ценностей индивида: гендерный аспект. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 14(4), 13–20. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2021-4-13-20>

Александрова, Е.С., Лидская, Э.В., Лопухова, О.Г., Мдивани, М.О., Панов, В.И., Панюкова, Ю.Г., Суннатова, Р.И., Шумакова, Н.Б. (2025). Экологичность поведения: человек и окружающая среда (2-е изд.). Москва: Изд-во Московского университета.

Великая, Н.М., Новоженина, О.П. (2022). Экологические угрозы как фактор экологизации общественного сознания. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 15(4), 184–201. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.13>

Егорова, М.С., Паршикова, О.В. (2016). Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (Б5-10). *Психологические исследования*, 9(45), 1–14. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.492>

Ермолаева, Ю.В. (2023). Взаимодействие с природной средой как фактор влияния на здоровье, психологическое благополучие, проэкологическое поведение. *Социология*, (5), 111–120. <https://doi.org/10.24412/1812-9226-2023-5-111-120>

Иванова, А.А., Агисова, Ф.Б., Сауткина, Е.В., Кабанова, В.С., Патракова, Н.А., Иванде, С.К. (2023). Российская шкала проэкологического поведения: разработка и психометрическая оценка. *Экспериментальная психология*, 16(2), 218–234. doi:10.17759/exppsy.2023160213

Иванова, А.А. (2025). Индивидуальные ценности и экологическая обеспокоенность как факторы проэкологического поведения: дисс. канд. психол. наук. Москва.

Мдивани, М.О. (2022). Исследование структуры природной идентичности. *Общество: социология, психология, педагогика*, (10), 98–103. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.10.15>

Нестик, Т.А., Журавлев, А.Л. (2018). Психология глобальных рисков. Москва: Изд-во Института психологии РАН.

Панов, В.И. (2022). Экопсихологический подход к развитию психики: этапы, предпосылки, конструкты. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 15(3), 100–118. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-100-117>

Панов, В.И. (2026). Латентные факторы представлений о внутригрупповых взаимодействиях в контексте экопсихологических типов субъект-средовых взаимодействий. *Экспериментальная психология*, 19(2), 29–39. <https://doi.org/10.17759/exrpsy.2026190202>

Панюкова, Ю.Г., Мдивани, М.О. (2024). Психологические ресурсы единения с природой: опыт эмпирического исследования. *Человек*, 35(3), 80–95. <https://doi.org/10.31857/S0236200724030056>

Сауткина, Е.В., Агисова, Ф.Б., Иванова, А.А., Иванде, К.С., Кабанова, В.С. (2022). Проэкологическое поведение в России. Систематический обзор исследований. *Экспериментальная психология*, 15(2), 172–193. <https://doi.org/10.17759/exrpsy.2022150213>

Шаталова, О.В. (2022). Восстановительный эффект контактов с природой как предмет исследования в психологии среды. *Психология. Журнал ВШЭ*, 19(4), 855–871. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-4-855-871>

Шаталова, О.В. (2023). Психологическое восстановление и связь с природой с точки зрения «восходящего» и «нисходящего» подходов к пониманию взаимодействия с природой. *Культурно-историческая психология*, 19(4), 109–118. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190411>

Ajzen, I. (1991). The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 50(2), 179–211. [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T)

Brough, A.R., Wilkie, J.E., Ma, J., Isaac, M.S., Gal, D. (2022). Is eco-friendly unmanly? The green-feminine stereotype and its effect on sustainable consumption. *Journal of Consumer Research*, 48(6), 1011–1031. <https://doi.org/10.1093/jcr/ucab026>

Brown, L., Turner, B., Caverro, V., Flores, E. (2023). Gender and the environmental health agenda: A qualitative study of policy, academic, and advocacy perspectives in Peru. *The Journal of Climate Change and Health*, (10), 1–8. <https://doi.org/10.1016/j.joclim.2023.100217>

Clayton, S. (2003). Environmental identity: A conceptual and an operational definition. In: S. Clayton, S. Opatow, (eds.), *Identity and the natural environment: The psychological significance of nature* (pp. 45–65). Cambridge: The MIT Press.

Clayton, S. (2020). Climate anxiety: Psychological responses to climate change. *Journal of Anxiety Disorders*, (74), 102263. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2020.102263>

Clayton, S., Devine-Wright, P., Swim, J., Bonnes, M., Steg, L., Whitmarsh, L., Carrico, A. (2016). Expanding the role for psychology in addressing environmental challenges. *American Psychologist*, 71(3), 199–215. <https://doi.org/10.1037/a0039482>

Clayton, S., Irkhin, B.D., Nartova-Bochaver, S.K. (2019). Environmental identity in Russia: Validation and relationship to the concern for people and plants. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 16(1), 85–107. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-1-85-107>

Dunlap, R.E., Van Liere, K.D., Mertig, A.G., Jones, R.E. (2000). New Trends in Measuring Environmental Attitudes: Measuring Endorsement of the New Ecological Paradigm: A Revised NEP Scale. *Journal of Social Issues*, 56(3), 425–442. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00176>

Gifford, R., Nilsson, A. (2014). Personal and social factors that influence pro-environmental concern and behaviour: A review. *International Journal of Psychology*, 49(3), 141–157. <https://doi.org/10.1002/ijop.12034>

Hirsh, J.B., Dolderman, D. (2021). Personality predictors of environmental concern: The mediating role of environmental identity. *Personality and Individual Differences*, (171), 110503. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110503>

Homer, P.M., Kahle, L.R. (1988). A structural equation test of the value-attitude-behavior hierarchy. *Journal of Personality and Social Psychology*, 54(4), 638–646. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.54.4.638>

Je, J., Khoo, C., Yang, E.C.L. (2020). Gender issues in tourism organisations: insights from a two-phased pragmatic systematic literature review. *Journal of Sustainable Tourism*, (30), 1–24. <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1831000>

Kaplan, S. (1995). The restorative benefits of nature: Toward an integrative framework. *Journal of Environmental Psychology*, 15(3), 169–182. [https://doi.org/10.1016/0272-4944\(95\)90001-2](https://doi.org/10.1016/0272-4944(95)90001-2)

Lucas, R.E., Diener, E. (2001). Understanding extraverts' enjoyment of social situations: the importance of pleasantness. *Journal of Personality and Social Psychology*, 81(2), 343–356. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.81.2.343>

Milfont, T.L., Duckitt, J., Wagner, C. (2010). A cross-cultural test of the value-attitude-behavior hierarchy. *Journal of Applied Social Psychology*, 40(11), 2791–2813. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.2010.00681.x>

Nisbet, E., Zelenski, J., Grandpierre, Z. (2019). Mindfulness in Nature Enhances Connectedness and Mood. *Ecopsychology*, 11(2), 81–91. <https://doi.org/10.1089/eco.2018.0061>

Ogunbode, C.A., Doran, R., Böhm, G. (2022). Environmental values and identities at the personal and group level. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, (42), 36–42. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2021.02.020>

Schultz, P.W. (2001). The structure of environmental concern: Concern for self, other people, and the biosphere. *Journal of Environmental Psychology*, 21(4), 327–339. <https://doi.org/10.1006/jevp.2001.0227>

Soto, C.J., Napolitano, C.M., Sewell, M.N., Yoon, H.J., Roberts, B.W. (2022). An integrative framework for conceptualizing and assessing social, emotional, and behavioral skills: The BESSI. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1(123), 192–222. <https://doi.org/10.1037/pspp0000401>

Soutter, A.R.B., Bates, T.C., Möttus, R. (2020). Big Five and HEXACO personality traits, proenvironmental attitudes, and behaviors: A meta-analysis. *Perspectives on Psychological Science*, 15(4), 913–941. <https://doi.org/10.1177/1745691620903019>

Soutter, A.R.B., Möttus, R. (2021). Big Five facets' associations with pro-environmental attitudes and behaviors. *Journal of Personality*, 89(2), 203–215. <https://doi.org/10.1111/jopy.12576>

Stern, P.C. (2000). New environmental theories: Toward a coherent theory of environmentally significant behavior. *Journal of Social Issues*, 56(3), 407–424. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00175>

Thøgersen, J., Grunert-Beckmann, S.C. (1997). Values and attitude formation towards emerging attitude objects: From recycling to general, waste minimizing behavior. *Advances in Consumer Research*, (24), 182–189.

Van den Berg, A.E. (2021). The natural-built distinction in environmental preference and restoration: Bottom-up and top-down explanations. In: A.R. Schutte, J.C. Torquati, J.R. Stevens, (eds.), *Nature and psychology: Biological, cognitive, developmental, and social pathways to well-being* (pp. 31–60). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69020-5_3

Zelezny, L., Chua, P., Aldrich, C. (2000). New Ways of Thinking about Environmentalism: Elaborating on Gender Differences in Environmentalism. *Journal of Social Issues*, (56), 443–457. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00177>

References

Ajzen, I. (1991). The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 50(2), 179–211. [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T)

Aleksandrova, E.S. (2021). The relationship between pro-environmental behavior and personal values: A gender aspect. *Theoretical and Experimental Psychology*, 14(4), 13–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2021-4-13-20>

Aleksandrova, E.S., Lidskaya, E.V., Lopukhova, O.G., Mdivani, M.O., Panov, V.I., Panyukova, Yu.G., Sunnatova, R.I., Shumakova, N.B. (2025). *Ecological behavior: man and the environment* (2nd ed.). Moscow: Moscow University Publ. (In Russ.)

Brough, A.R., Wilkie, J.E., Ma, J., Isaac, M.S., Gal, D. (2022). Is eco-friendly unmanly? The green-feminine stereotype and its effect on sustainable consumption. *Journal of Consumer Research*, 48(6), 1011–1031. <https://doi.org/10.1093/jcr/ucab026>

Brown, L., Turner, B., Cavero, V., Flores, E. (2023). Gender and the environmental health agenda: A qualitative study of policy, academic, and advocacy perspectives in Peru. *The Journal of Climate Change and Health*, (10), 1–8. <https://doi.org/10.1016/j.joclim.2023.100217>

Clayton, S. (2003). Environmental identity: A conceptual and an operational definition. In: S. Clayton, S. Opatow, (eds.), *Identity and the natural environment: The psychological significance of nature* (pp. 45–65). Cambridge: The MIT Press.

Clayton, S. (2020). Climate anxiety: Psychological responses to climate change. *Journal of Anxiety Disorders*, (74), 102263. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2020.102263>

Clayton, S., Devine-Wright, P., Swim, J., Bonnes, M., Steg, L., Whitmarsh, L., Carrico, A. (2016). Expanding the role for psychology in addressing environmental challenges. *American Psychologist*, 71(3), 199–215. <https://doi.org/10.1037/a0039482>

Clayton, S., Irkhin, B.D., Nartova-Bochaver, S.K. (2019). Environmental identity in Russia: Validation and relationship to the concern for people and plants. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 16(1), 85–107. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-1-85-107>

Dunlap, R.E., Van Liere, K.D., Mertig, A.G., Jones, R.E. (2000). New Trends in Measuring Environmental Attitudes: Measuring Endorsement of the New Ecological Paradigm: A Revised NEP Scale. *Journal of Social Issues*, 56(3), 425–442. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00176>

Egorova, M.S., Parshikova, O.V. (2016). Psychometric properties of the Short Big Five Personality Inventory (B5-10). *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Research*, 9(45), 1–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.492>

Ermolaeva, Yu.V. (2023). Interaction with the natural environment as a factor influencing health, psychological well-being, and pro-environmental behavior. *Sotsiologiya = Sociology*, (5), 111–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1812-9226-2023-5-111-120>

Gifford, R., Nilsson, A. (2014). Personal and social factors that influence pro-environmental concern and behaviour: A review. *International Journal of Psychology*, 49(3), 141–157. <https://doi.org/10.1002/ijop.12034>

Hirsh, J.B., Dolderman, D. (2021). Personality predictors of environmental concern: The mediating role of environmental identity. *Personality and Individual Differences*, (171), 110503. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110503>

Homer, P.M., Kahle, L.R. (1988). A structural equation test of the value-attitude-behavior hierarchy. *Journal of Personality and Social Psychology*, 54(4), 638–646. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.54.4.638>

Ivanova, A.A. (2025). Individual values and environmental concerns as factors of pro-environmental behavior. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow. (In Russ.)

Ivanova, A.A., Agisova, F.B., Soutkina, E.V., Kabanova, V.S., Patrakova, N.A., Ivande, S.K. (2023). Russian scale of pro-environmental behavior: development and psychometric assessment. *Ekspperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology*, 16(2), 218–234. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160213>

Je, J., Khoo, C., Yang, E.C.L. (2020). Gender issues in tourism organisations: insights from a two-phased pragmatic systematic literature review. *Journal of Sustainable Tourism*, (30), 1–24. <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1831000>

Kaplan, S. (1995). The restorative benefits of nature: Toward an integrative framework. *Journal of Environmental Psychology*, 15(3), 169–182. [https://doi.org/10.1016/0272-4944\(95\)90001-2](https://doi.org/10.1016/0272-4944(95)90001-2)

Lucas, R.E., Diener, E. (2001). Understanding extraverts' enjoyment of social situations: the importance of pleasantness. *Journal of Personality and Social Psychology*, 81(2), 343–356. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.81.2.343>

Mdivani, M.O. (2022). Exploring the structure of natural identity. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, (10), 98–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/spp.2022.10.15>

Milfont, T.L., Duckitt, J., Wagner, C. (2010). A cross-cultural test of the value-attitude-behavior hierarchy. *Journal of Applied Social Psychology*, 40(11), 2791–2813. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.2010.00681.x>

Nestik, T.A., Zhuravlev, A.L. (2018). Psychology of global risks. Moscow: Psychology Institute Publ. (In Russ.)

Nisbet, E., Zelenski, J., Grandpierre, Z. (2019). Mindfulness in Nature Enhances Connectedness and Mood. *Ecopsychology*, 11(2), 81–91. <https://doi.org/10.1089/eco.2018.0061>

Ogunbode, C.A., Doran, R., Böhm, G. (2022). Environmental values and identities at the personal and group level. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, (42), 36–42. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2021.02.020>

Panov, V.I. (2022). Ecopsychological approach to mental development: stages, prerequisites, constructs. *Theoretical and Experimental Psychology*, 15(3), 100–118. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-100-117>

Panov, V.I. (2026). Latent factors of ideas about intragroup interactions in the context of ecopsychological types of agent-environment interactions. *Экспериментальная психология = Experimental Psychology*, 19(2), 29–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/exppsy.2026190202>

Panyukova, Yu.G., Mdivani, M.O. (2024). Psychological Resources of Connection with Nature: An Empirical Study. *Chelovek = Human*, 35(3), 80–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0236200724030056>

Shatalova, O.V. (2022). Restorative Effect of Nature Contact as a Subject of Environmental Psychology. *Psikhologiya. Zhurnal VShE = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 19(4), 855–871. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-4-855-871>

Shatalova, O.V. (2023). Psychological Restoration and Nature Connectedness in terms of “Bottom-up” and “Top-down” Approaches to Understanding Interaction with Nature. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 19(4), 109–118. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2023190411>

Soutkina, E.V., Agisova, F.B., Ivanova, A.A., Ivande, K.S., Kabanova, V.S. (2022). PRO-Environmental Behaviour In Russia. A Systematic Review. *Экспериментальная психология = Experimental Psychology*, 15(2), 172–193. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150213>

Schultz, P.W. (2001). The structure of environmental concern: Concern for self, other people, and the biosphere. *Journal of Environmental Psychology*, 21(4), 327–339. <https://doi.org/10.1006/jevp.2001.0227>

Soto, C.J., Napolitano, C.M., Sewell, M.N., Yoon, H.J., Roberts, B.W. (2022). An integrative framework for conceptualizing and assessing social, emotional, and behavioral skills: The BESSI. *Journal of Personality and Social Psychology*, 123(1), 192–222. <https://doi.org/10.1037/pssp0000401>

Soutter, A.R.B., Bates, T.C., Möttus, R. (2020). Big Five and HEXACO personality traits, proenvironmental attitudes, and behaviors: A meta-analysis. *Perspectives on Psychological Science*, 15(4), 913–941. <https://doi.org/10.1177/1745691620903019>

Soutter, A.R.B., Möttus, R. (2021). Big Five facets' associations with pro-environmental attitudes and behaviors. *Journal of Personality*, 89(2), 203–215. <https://doi.org/10.1111/jopy.12576>

Stern, P.C. (2000). New environmental theories: Toward a coherent theory of environmentally significant behavior. *Journal of Social Issues*, 56(3), 407–424. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00175>

Thøgersen, J., Grunert-Beckmann, S.C. (1997). Values and attitude formation towards emerging attitude objects: From recycling to general, waste minimizing behavior. *Advances in Consumer Research*, (24), 182–189.

Van den Berg, A.E. (2021). The natural-built distinction in environmental preference and restoration: Bottom-up and top-down explanations. In: A.R. Schutte, J.C. Torquati, J.R. Stevens,

(eds.), *Nature and psychology: Biological, cognitive, developmental, and social pathways to well-being* (pp. 31–60). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69020-5_3

Velikaya, N.M., Novozhenina, O.P. (2022). Environmental threats as a factor in the greening of public consciousness. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 184–201. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.13>

Zelezny, L., Chua, P., Aldrich, C. (2000). New Ways of Thinking about Environmentalism: Elaborating on Gender Differences in Environmentalism. *Journal of Social Issues*, (56), 443–457. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00177>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марина Отаровна Мдивани, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории экопсихологии развития и психодидактики Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, mdivanim@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1573-0359>

Елена Сергеевна Александрова, старший научный сотрудник лаборатории экопсихологии развития и психодидактики Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, sedova.el@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6986-7759>

ABOUT THE AUTHORS

Marina O. Mdivani, Cand. Sci. (Psychol.), Leading Researcher at the Laboratory of Ecopsychology of Development and Psychodidactics, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, mdivanim@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1573-0359>

Elena S. Alexandrova, Senior Research Fellow at the Laboratory of Ecopsychology of Development and Psychodidactics, Federal Scientific Center for Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, sedova.el@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6986-7759>